

Цзян Цяо продолжил:

— Мне очень нравится Тан Сю, но он пока не ответил мне взаимностью.

Он обернулся, чтобы взглянуть на Тан Сю. Тот, похоже, уже устал, его глаза потеряли блеск. Цзян Цяо поспешил добавить, прежде чем Ли Цзыпин успел широко раскрыть глаза:

— Ты же его агент, ты ведь не станешь специально сливать информацию в СМИ, верно? Сегодня мы были недостаточно осторожны, но впредь будем внимательнее. Уже поздно, иди домой, он хочет спать.

Ли Цзыпин...

После того как Цзян Цяо практически вытолкнул Ли Цзыпина из комнаты, тот был в полной растерянности. Дойдя до лестницы, он резко обернулся и простоял там десять минут, пока не убедился, что режиссёр не вернётся к Тан Сю с какими-то скрытыми намерениями. Только тогда он слегка расслабился и, словно в полусне, вернулся в свою комнату.

Когда Тан Сю закончил умываться и собрался ложиться спать, он обнаружил, что его телефон заполонили десятки сообщений от агента, полные недоуменных вопросительных и восклицательных знаков. Прочитав пару верхних, он потерял интерес и, просто пролистав вниз, не утруждая себя чтением, ответил одним словом:

[Угу].

На следующее утро, едва Тан Сю вышел в костюме для съёмок, он издали заметил Ли Цзыпина, сидящего рядом с Цзян Цяо и что-то шепчущего. Лицо Цзян Цяо было крайне мрачным, и после того как он немного послушал, он шевельнул губами. Хотя они находились далеко, Тан Сю по движению губ понял, что Цзян Цяо сказал:

— Проваливай.

Ли Цзыпин с неловкой улыбкой ушёл, и Тан Сю подошёл, спросив:

— Что он говорил?

Но, к его удивлению, Цзян Цяо лишь поднял на него взгляд, его лицо было сердитым:

— Ничего.

Этот тон... Тан Сю слегка опешил:

— Что случилось?

Цзян Цяо не ответил, просто взял рацию и сказал:

— Все отделы, готовьтесь.

Чжан Кайсин крикнул издали:

— Тан Сю, начинаем съёмки, ты идёшь?

Тан Сю откликнулся, нахмурился, глядя на Цзян Цяо, и тихо сказал:

— Что с тобой? Поговорим после съёмок.

Цзян Цяо взглянул на него и снова промолчал.

Все в съёмочной группе заметили, что сегодня режиссёр был в плохом настроении, его лицо было хмурым весь день. Тан Сю снял несколько сцен, где Сяо Бай плачет в одиночестве в тюрьме, эмоции нарастали, всё было очень тонко и глубоко, зрители были в восторге, но Цзян Цяо, который обычно хвалил Тан Сю, сегодня молчал и был угрюм.

Люди вокруг шептались, гадая, не обидел ли Тан Сю режиссёра. Даже Чжан Кайсин втихомолку спросил Тан Сю, что случилось. Тан Сю обернулся, увидев, что Цзян Цяо безучастно смотрит на экран, избегая зрительного контакта.

— Сяо Тан?

Тан Сю обернулся:

— Ничего.

Он чувствовал тяжесть в груди, не мог объяснить, что именно, просто думал, что обычные люди — они такие, молодые, но с непредсказуемым характером. Вчера всё было хорошо, а сегодня вдруг начал хмуриться.

Эти эмоции накапливались и, естественно, влияли на его игру. Последняя сцена перед обедом была дуэтом Тан Сю и Чжан Кайсина, сцена, где Владыка людей в последний раз встречается с Сяо Бай перед его смертью, Владыка людей в отчаянии и раскаянии падает на колени и рыдает. Чжан Кайсин полностью вжился в роль, держась за подол одежды Тан Сю, весь дрожа, но, когда он закончил свою реплику, Тан Сю отвлёкся.

— Стоп!

Голос Цзян Цяо раздался из динамиков, явно раздражённый:

— Что происходит?

Тан Сю посмотрел в его сторону:

— Извините, режиссёр, отвлёкся.

Цзян Цяо холодно ответил:

— В такой важной сцене отвлекся? Твой партнёр с таким трудом вошёл в роль, а из-за тебя придётся переснимать.

Вокруг воцарилась тишина, никто из персонала не осмеливался заговорить. Это был первый раз, когда Тан Сю получил выговор на съёмочной площадке. В прошлый раз он тоже отвлёкся, но Цзян Цяо ничего не сказал.

Чжан Кайсин попытался сгладить ситуацию:

— Ничего, мы можем переснять, можно будет смонтировать, просто переснимем последние две реплики.

Цзян Цяо сказал:

— Я не принимаю монтаж.

Чжан Кайсин тоже замолчал. Действительно, Цзян Цяо никогда не использовал монтаж, чтобы исправить ошибки на съёмочной площадке, и он ничего не мог поделаться.

Тан Сю тихо сказал:

— Извините, режиссёр, давайте переснимем.

Он потянул Чжан Кайсина:

— Извините, старший, в этот раз всё будет нормально.

Цзян Цяо фыркнул:

— Все отделы, готовьтесь, второй дубль.

Чжан Кайсин, который уже полностью вжился в роль, после первого дубля уже не смог повторить тот же уровень эмоций, и этот дубль пришлось переснимать несколько раз, из-за чего обед съёмочной группы задержался на полчаса. Тан Сю, проживший тысячи лет, не должен был обращать внимания на мнения других, но мысль о том, что задержка произошла из-за его ошибки, вызвала у него дискомфорт.

А ещё он думал о том, как Цзян Цяо с утра без причины начал на него дуться, и Старый Предок становился всё более раздражённым.

Наконец, дождавшись обеда, Тан Сю дождался, пока все уйдут, и подошёл к Цзян Цяо, который выключал мониторы. Увидев его, Цзян Цяо даже не поднял взгляд.

Тан Сю не смог сдержать раздражение:

— Что вообще происходит?

Вокруг никого не было, и Цзян Цяо наконец заговорил:

— Твой агент рассказал мне, что ты вчера согласился с его предложением, и извинился за тебя.

— Что? — удивился Тан Сю.

Он вдруг вспомнил вчерашний поток сообщений от Ли Цыпина и достал телефон, чтобы проверить переписку.

[Я подумал, и это действительно неразумно. Режиссёр Цзян — большой режиссёр, он не будет серьёзно относиться к тебе, ты ведь тоже не особо серьёзно?]

[Почему ты не отвечаешь? Это действительно срочно, ты только начал в этой сфере и не знаешь, как ядовиты эти сплетники-журналисты. Они могут раздуть из ничего целую историю, а уж тем более, если вы двое так себя ведёте.]

[Давай впредь будем держаться подальше от режиссёра Цзяна, хорошо? Если тебе сложно сказать это самому, завтра я поговорю с ним, извинюсь, и впредь мы будем просто режиссёром и актёром. Режиссёр Цзян профессионал, он не станет из-за этого усложнять тебе съёмки.]

После этого сообщения был тот самый [Угу] от Тан Сю.

Старый Предок почувствовал, будто его ударило молнией, голова раскалывалась. Он потерял сознание и молча смотрел на это [Угу].

Цзян Цяо, увидев, что он уставился в телефон, подошёл ближе и, взглянув на экран, усмехнулся:

— Ха.

Тан Сю глубоко вздохнул. Он действительно не умел успокаивать людей, но эта ситуация... Он немного помолчал, потом потянул Цзян Цяо:

— Вчера я не внимательно прочитал, что он написал.

Цзян Цяо снова посмотрел на него:

— Ха.

Тан Сю чувствовал себя так, будто у него десять голов, но прежде чем он успел что-то сказать, Цзян Цяо опередил его:

— Уточню, я отношусь к тебе серьёзно.

Тан Сю вздохнул, понизив голос:

— Я знаю.

Цзян Цяо усмехнулся:

— Ты действительно знаешь?

Сказав это, он не стал ждать ответа и направился в сторону столовой.

Тан Сю, не зная, что делать, последовал за ним.

Но едва они успели войти в столовую, как несколько сотрудников бросились к ним, увидев Цзян Цяо, закричали:

— Режиссёр, Шэнь Сымо поссорился с журналистами, у него нет ни агента, ни помощников, пойдите, посмотрите.

Тан Сю поднял бровь, а Цзян Цяо уже поспешил вперёд.

Когда все добрались до места, двое из съёмочной группы уже оттащили Шэнь Сымо в сторону, а папарацци лежал на земле, объектив его камеры был разбит, он держался за руку и катался по земле, стона от боли.

Шэнь Сымо, красный от гнева, пытался снова броситься вперёд, его порыв был похож на тот, что был у Ху Гуанжана в тот день. Цзян Цяо сразу же подошёл и крикнул:

— Остановись!

Шэнь Сымо замёр, посмотрел на Цзян Цяо:

— Учитель, не вмешивайтесь!

Цзян Цяо чуть не ударил его, сердито посмотрел и велел окружающим проверить состояние папарацци.

Тан Сю уже присел рядом с человеком и начал его осматривать. Прожив множество жизней врачом, он всё ещё мастерски владел искусством вправления костей. Пальцами слегка нажав на локоть, он понял, что ситуация не так серьезна, как пытался показать папарацци, и облегчённо вздохнул, тихо сказав:

— Хватит, хватит притворяться.

Но папарацци не собирался сдаваться, продолжая корчиться на земле и кричать:

— Бьют журналистов, бьют журналистов! Я обязательно разоблачу вас, вы кровавые...

Не успел он закончить, как Шэнь Сымо, которого только что оттащили, словно с ума сошёл, вырвался и, подбежав, ударил журналиста ногой. Удар был настолько сильным, что журналист мгновенно замолчал, схватившись за живот и корчась от боли.

<http://bllate.org/book/16171/1449973>